

Париж и русские: диалектика души

Книга, с которой мы хотели бы в этот раз познакомить нашего читателя, представляет собой первую часть трехчастной публикации дневниковых записей Бориса Зайцева. Писатель не вел дневника регулярно, однако периодически записывал свои жизненные впечатления и размышления. Период, охватываемый «Странником», — 1925—26 и 1929 годы. Под этим названием они публиковались в берлинском «Дне», а впоследствии — в парижском «Возрождении». Два следующих тома будут называться «Дневник писателя» и «Дни», также исходя из заглавий прижизненных публикаций, их составивших. Последние из этих записей датируются 1974 годом, годом смерти писателя. Отметим также, что с 1947 года значительная их часть печаталась на страницах «Русской мысли».

То, что издание избавляет нас от необходимости пускаться в данном случае на поиски старых эмигрантских газет, уже составляет его ценность. Но кроме архивной, понадобилась немалая текстологическая работа, чтобы представить читателю зайцевские записи в их адекватном писательскому замыслу виде.

Вот уже четвертая волна русской эмиграции накатывается на Париж. Как будто бы немало времени прошло с тех лет, которыми датируются первые записи «Странника». Тем не менее, читая их сейчас, поневоле обращаешь внимание на то, как складывался зайцевский «роман» с Парижем. Поневоле, ибо, кажется, в восприятии «столицы мира» русским, а скорее всего, не только русским интеллигентом есть некая константа. Уточним: речь идет не о туристической поездке (Зайцев бывал в Париже и до революции), а о постоянной жизни в этом городе. Писатель сам все время возвращается к этой теме, так, словно она вобрала в себя для него многие другие темы: революции, коммунизма, России и Запада...

Итак, стадия первая — война, сплошная война, причем кажется, что французская сторона этой войны и не замечает. А при зайцевской интеллигентности и импрессионистской тонкости стиля эта жестокость одностроннего поединка особенно бросается в глаза:

«Посещение Нотр-Дам. Настроение тяжелое, хотя ясный, чудесный день. Шум, блеск, пестрота улиц рассеивают, утомляют. Наркотическое действие. Человек отравляется, ему куда-то нужно спешить, нервная тревога, страшное возбуждение... И — усталость. Насыщено электрически-эротическим».

«В прошлом году была работа около бульвара Османн, и часа в четыре, в пять, часто проходил к Опере. Неприятные места. За них Париж когда-нибудь еще ответит».

«Парижанки: бесконечные фигурки, статуэтки у метро, на тоненьких ножках, в узком, обтянутом манто, с личиком приятно-никаким... Мужчина всю ее съедает, с косточками, и желает, чтоб зажарили, как следует, и с подходящим соусом. А обглодать уж он сумеет. Обглядывают именем приятности. Этот закон силен, страшен. Все, решительно мы все ему подвержены, он может овладеть. Ах, я понимаю диких анахоретов Египта! Вот врывались они в Александрию, палками громили и лупили все, направо и налево. Всех богов, и статуэтки, вазы и бассейны, зеркала, курильни, лупанары... «Paris sera brulée par la saignée», — так изрекла святая католическая, да, Париж ответит».

Но позвольте, хочется воскликнуть, это ли наш любимый Борис Константинович? А где же дымки, голубые снега, мягкие характеры? Не успели

сами очухаться от большевистских громов, как...

К всеобщему счастью, столь воинственное настроение сменяется иногда иным, умиротворенным:

«Боже мой, береза! Белая кора, с коричневыми черточками, с оторванной, тончайшей кожей — всегда она трепещет, нежно дрожит в ветерке — Россия. Зачем же Западу береза, это наше древо, тут каштаны, вязы, дубы, буки и платаны — а береза наша. Да, береза облик чистоты и скромной непорочности, бедности и суровости, Святая Русь».

Еще один важный образ в русской эмигрантской мифологии: простой русский человек, который спасет западный мир. И термин придуман: «homo spiritualis», или человек с «назначением».

«Есть "ответственные работники" и у Бога. Они приходят, когда кажется, что все поггло, но вот здесь именно и веет живым светом. Ибо невозможна жизнь без героя. Да, является "герой нашего времени". Скромный и смиренный человек российский, простой и благожелательный, себя воспитывающий, чистый и спокойный, душа благоуханная.

Он и здесь есть. А в России больше. Но пока нельзя об этом говорить подробнее».

Ну отчего же не говорить, если есть о чем? Говорите, говорите! Напомним время, когда была сделана запись: 1925 год. И все-то о нем поговорить подробнее не получается, а больше о думских заседателях.

Борис Зайцев.

Рис. Сергея Иванова. 1960.

Но прав был критик, придумавший понятие «диалектика души». Николай Ростов в первом своем сражении с перепугу бросает пистолетом во врага (кстати, француза) и несется от него прочь. В конце же «Войны и мира» он brave вояка, глава семьи. Одно ли это лицо или нет? Наши предыдущие выписки из «Странника» сделаны отнюдь не для того, чтобы поязвить над автором. Мы с признательностью читаем его наблюдения, чтобы лучше понять себя самих.

И вот, что-то происходит с записывающим, видимо, имеет место та самая душевная диалектика:

«А какова твоя "страна" в Париже?

Да, пожалуй, тоже неплоха. Тихая коротенькая улица. Маленькое кладбище времен Наполеона. Церковь. (...)

Бывают дни, среди сутолоки, пустяков, вдруг ощутишь легчайший бриз... поэзии. Повода к нему нет. Просто: утро, несешь из булочной опе союппе, солнце, тепло, снимешь шляпу, ветер ласкает волосы, и солнце подогрывает. Заборы и садики маленьких улиц, зелень, ваза у калитки, полукрытое окно, и француз за-втракает — наливает полстакана вина, священнодействует, и мягко падает тень бюста богини на фасад уютного домика».

Есть писатели, которым, чтобы почувствовать себя в форме, требуется разлитие желчи по организму. Зайцев не из тех. Лучшие страницы его прозы написаны добрым Зайцевым. Прозы? Но речь действительно скорее идет о поэзии. Какая роскошная аллитерация в этом отрывке!

А вот еще наблюдение:

«Ну, а французы? Все в них было ровно и приглушенно, все в меру, всюду мера, их оркестр сложен безукоризненно».

Или вдруг:

«Во французской толпе почти нет мерзких лиц, как у русских. (В России: очаровательное, рядом — гнусность)».

Или:

«Старый, обаятельный, порочный и чудесный город! Может быть, лучше подальше от тебя — в чистоту, тишину. Но во все без тебя уже не обойтись. Как чувствует себя мир?

Чего он хочет? Как стремится? Ты его барометр, и твое давление всем ощутительно».

Проходит три года. Борис Константинович отправляется в Берлин. Берлинские записи, однако, начинаются воспоминаниями о Париже:

«Думаю, Париж особенно к себе прикрепляет, вроде Рима. Подчинишься ему не сразу, но, подчинившись, уже не уйдешь. В первый раз ощутил я это два года назад, возвращаясь из Греции. Когда завиднелись туманные горы Ривьеры, сразу стало весело. Домой, домой. Голубая страна, с благородным пейзажем Прованса, виноградниками Бургундии со своим старым, но крепким сердцем Парижем — страна завладела тобой».

Что до Берлина:

«...шпирерский шик Курфюрстендамма невыносим. Вкус состоит в чувстве меры, такта. Ни того, ни другого нет в Берлине. Всюду вас хотят поразить, удивить — или научить глубокомысленной мудрости (плевать на пол не надо, сходя с трамвая, смотри туда-то и т.д.). Если в Париже много уличных огней, светящихся реклам — мы заведем их am Zoo вдвое больше».

Не будем сейчас делать выводы относительно этих перемен. Иначе придется вместо заключения написать еще одну статью. Помянем лишь добрым словом терпение, с которым выслушивают яростные речи новоприбывших о Париже старые эмигранты. Теперь, с появлением этой прелестной книжицы что-то, возможно, станет проще объяснить. Или — опытом люди называют свои ошибки, как сказал Уайльд?

АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Париж